

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(По поводу статьи проф. П. П. Смирнова)

Проф. К. Базилевич

I

Почти два столетия историки занимаются исследованием проблемы образования централизованного Русского государства. Большинство созданных по этому вопросу концепций давно устарело и сохраняет для нас лишь историографический интерес. Однако значительное число отдельных конкретных наблюдений, сделанных исследователями, до сих пор сохраняет научную ценность.

В наше время хотя и не появилось новых крупных исследовательских работ по данной теме, но в ряде учебных и лекционных курсов были сделаны попытки пересмотреть её с позиций исторического материализма. Новую попытку в этом направлении делает проф. П. П. Смирнов в статье «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 год.

Статья проф. П. П. Смирнова написана в остро полемическом плане. По мнению автора, никто из советских историков, касавшихся данных вопросов, не понял правильно указаний классиков марксизма об условиях образования централизованных государств на востоке Европы. Следует согласиться с автором, что указания В. И. Ленина об условиях образования «Всероссийского рынка» действительно относятся не к XIV—XV вв., а XVI—XVII векам. Однако полное недоумение вызывает утверждение проф. П. П. Смирнова, что и указания И. В. Сталина об условиях образования централизованных государств на Востоке Европы также имеют только «косвенные отношения» к образованию Русского государства. При этом проф. П. П. Смирнов обвиняет историков в том, что они не поняли этих указаний И. В. Сталина и будто бы стали приписывать ему высказывание, что «процесс образования централизованных государств и на Западе и на Востоке возник под влиянием в основном одних и тех же причин — в результате давления внешней опасности...» Нам неизвестно, кого именно имел в виду проф. П. П. Смирнов, так как в печатной литературе нам не приходилось встречать подобных грубых ошибок.

Мы вправе ожидать, что сам автор, предложивший новое решение проблемы о причинах феодальной раздробленности и образования централизованного государства в России, даст его на основе марксистского учения. Проф. Смирнов этого не сделал, поэтому мы позволим себе кратко напомнить соответствующие указания классиков марксизма. Исключительно большое значение для данного вопроса имеют работа Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» и небольшая работа Энгельса — «О разложении феодализма и развитии буржуазии», в которой резюмируются взгляды его и Маркса по вопросу о происхождении национальных государств. Основная мысль Энгельса заключалась в утверждении, что элементы нового общественно-экономического порядка, разрушавшего феодальную систему, складывались в городском хозяйстве в результате общественного разделения труда. Поэтому Маркс и Энгельс придавали такое боль-

шое значение развитию средневекового ремесла и укреплению товарно-денежной системы.

«Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами»¹. Не закрепощённые крестьяне, а свободное городское население являлось проводником экономического прогресса. При господствующей феодальной системе сельское хозяйство, несмотря на всю его важность в экономической жизни страны, не могло стать областью развития новых общественных отношений; ею были города. В то время как феодальный мир был погружён в бесконечные раздоры, кругом вырастали города, окружённые прочными стенами: «За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью,— накопились первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (Verkehr)»². Таким образом, развитие экономического общения при помощи торговли (других средств экономического общения, кроме торговых, в рассматриваемое время быть не могло) на почве общественного разделения труда являлось необходимым условием для политического объединения страны под главенством сильной королевской власти, способной обуздать своеволие вассалов. Маркс и Энгельс указывали, что «объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»³. В то же время королевскую власть в её стремлении прекратить раздоры феодалов внутри страны и защитить её от нападения внешних врагов поддерживало не только городское, но и сельское население⁴.

Легко убедиться, насколько указания классиков марксизма об условиях образования национальных централизованных государств далеки от новой концепции, предложенной проф. П. П. Смирновым, который главной причиной образования Русского государства считает не общее развитие производственных сил, не успехи общественного разделения труда, не развитие экономического общения на почве укрепления элементов товарно-денежного обращения, а технический переворот в агрокультуре, сделавший Московское княжество областью прогрессивного, товаропроизводящего сельского хозяйства.

Может быть, на Востоке Европы, в русских землях, дело обстоит иначе, чем на Западе? Такое представление вкорме противоречило бы марксистскому учению о единстве исторического процесса в его основных закономерных явлениях. Понятно, что исторические события никогда не бывают тождественными и что необходимо учитывать конкретную историческую обстановку, накладывающую местный отпечаток на действие общих законов развития человеческого общества. Но эти местные особенности не настолько значительны, чтобы изменить характер изучаемого процесса.

Главной особенностью образования централизованных государств на Востоке Европы, на которую указал товарищ Сталин, было давление внешней опасности, под действием которой образование централизованных государств произошло раньше, чем был ликвидирован феодализм, и раньше, чем сложились нации.

Анализируя развитие исторических представлений о причинах усиления Московского княжества и условиях образования Русского государства, проф. П. П. Смирнов пришёл к весьма неутешительным выводам. По его мнению, историки до последнего времени не только не разрешили

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 442.

² Там же. стр. 440.

³ Там же. Т. IV, стр. 15.

⁴ Там же. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

этой проблемы, но шли по методологически неправильному пути. Советские историки, с одной стороны, ничего не прибавили к выводам, сделанным представителями буржуазной исторической школы, а с другой стороны, неправильно пользовались классической марксистской литературой.

Мы не будем останавливаться на историографической части статьи проф. П. П. Смирнова, а прежде всего разберём, как понимает проф. П. П. Смирнов методологические указания классиков марксизма.

Совершенно правильно отмечая, что «решающим фактором в развитии общества является не географическое положение и не торговля, не переселенцы и не политическая обстановка, а в первую очередь развитие производственных сил», проф. П. П. Смирнов тотчас ограничивает применение понятия «производительных сил» в области одного только сельского хозяйства.

Неправильное понимание этого вопроса приводит проф. П. П. Смирнова к ошибочному истолкованию известного указания В. И. Ленина об условиях слияния русских областей, земель и княжеств в одно государственное целое. Ведь слияние началось не в XVI и XVII вв., а значительно раньше. В. И. Ленин указывает, что в XVII в., с образованием «Всероссийского рынка», это слияние фактически завершилось. Но если оно завершилось под влиянием усиливавшегося экономического общения между областями, то вполне понятно, что это же условие действовало и на начальной стадии процесса.

Проф. П. П. Смирнов упрекает советских историков в том, что они будто бы, следуя за Ключевским, Забелиным и другими буржуазными историками, выдвигали роль торговли, географических условий и роста народонаселения в качестве основных факторов общественно-экономического развития, объясняющих причину превращения Московского княжества в Русское государство. Это явное недоразумение основано на том, что сам проф. П. П. Смирнов не видит разницы между причинами усиления Московского княжества в первой половине XIV в. и условиями образования единого Русского государства, что было связано с ликвидацией феодальной раздробленности. В первом случае речь идёт не об изменении общественно-экономического и политического строя под влиянием выгодных географических условий и более быстрого роста народонаселения, а о том, почему при одном и том же уровне состояния производительных сил одно из княжеств (Московское) было поставлено в более благоприятные исторические условия, чем другие русские земли. Ведь не может быть сомнения в том, что и географические условия и рост народонаселения оказывают влияние на развитие общества, облегчают или замедляют развитие общества¹.

Обратимся к рассмотрению концепции проф. П. П. Смирнова.

II

По вопросу о том, из каких источников Иван Калита черпал серебро для уплаты ордынской дани, автор приходит к выводу, что «таким источником в первой половине XIV столетия могло быть только крестьянское хозяйство и производимый им хлеб».

Ход рассуждений проф. П. П. Смирнова кратко сводится к следующему: серебра не было, достать его нельзя было ни пошлинами, ни данью. Под давлением суровых требований Орды Иван Калита находит источник средств в улучшении сельскохозяйственной техники. «Неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев, поскольку между теми и другими делился урожай». Проф. Смирнов отрицает «бессознательное стяжательство» московских князей: «Самый момент изобретения русского плуга, вероятная внутренняя связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татар-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113—114. Госполитиздат. 1938.

ских платежей, потому что неуплата дани влекла для одних рабство, а для других — потерю княжеского стола, исключает бессознательное скиндоство Ивана Калиты и его преемников». В результате введения плуга Московское княжество, по мнению автора, уже во второй четверти XIV в. становится областью самого прогрессивного, по сравнению с другими русскими землями, земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом.

Таким образом, татарское иго, по мнению проф. Смирнова, сыграло важную прогрессивную роль в отношении великорусского центра. Оно заставило поднять производительные силы, что привело к укреплению политического значения московского великого князя, позволило ему, и только ему, удовлетворить все тяжёлые материальные требования Орды и скупать земли. В дальнейшем это обеспечило за московским великим князем политическое первенство во всём русском феодальном мире — позволило ему превратиться из московского князя в русского государя. Теория о положительном значении Золотой Орды для усиления Московского княжества имеет очень давнее происхождение. Она восходит к Карамзину и упорно, с некоторыми видоизменениями, держалась до Цюковского. Справедливость заставляет напомнить, что ещё Соловьев зло высмеял тех историков, которые, запутавшись в собственных концепциях, в конце концов обращались к Золотой Орде как к средству для разрешения не разрешённых ими вопросов.

Но есть и существенные различия между тем, что по этому вопросу пишет проф. Смирнов и писали Карамзин, Ключевский и другие. Последние рассматривали лишь область политических взаимоотношений. Они предполагали, что поддержка со стороны ханов Золотой Орды обеспечила торжество великокняжеской власти за московскими князьями. Проф. П. П. Смирнов же уверяет нас в том, что «неизбывная» ордынская дань приводила к экономическому расцвету центральные области Великороссии! Во всей мировой истории мы не знаем примера, чтобы угнетение, да ещё соединённое с чужеземной властью, являлось двигателем экономического прогресса. Неужели в этом проявляется своеобразие русского исторического процесса?

В качестве основного доказательства в пользу своего утверждения о перевороте в области сельскохозяйственной техники в Московском княжестве в XIV в. проф. П. П. Смирнов приводит появление переводного византийского юридического памятника VII—VIII вв. — «Книг Законных», первую часть которых составляет известный «Земледельческий устав». Издатель и исследователь этого важного памятника проф. А. Павлов, сравнивая текст «Книг Законных» с древними переводными памятниками церковно-юридической письменности, пришёл к заключению, что «перевод отрывков из Прохирина и Эклоги, содержащийся в этих «Книгах», может быть с вероятностью отнесён к концу XII или началу XIII века. С другой стороны, ввиду одинакового языка и характера перевода всех частей этого памятника проф. А. Павлов находил возможным к этому времени отнести и перевод «Земледельческого устава»¹. Легко заметить, насколько осторожнее высказывал своё мнение проф. А. Павлов о времени перевода «Земледельческого устава» на русский язык, чем это делает проф. П. П. Смирнов, произвольно приписавший проф. А. Павлову утверждение, что вся русская редакция «Книг Законных», включая «Земледельческий устав», «относится, несомненно, ко времени Ивана Калиты и отражает русские порядки первой половины XIV столетия». Если проф. А. Павлов пишет, что в этом памятнике «самые подновления не настолько новы, чтобы их нельзя было приурочить к первой половине XIV века»², то проф. П. П. Смирнов перефразирует: «Язык памятника значительно под-

¹ Павлов А. «Книги Законные», стр. 16. СПб.: 1885.

² Там же, стр. 37.

новлён, — говорит автор (т. е. проф. Павлов. — К. Б.), — и эти подновления принадлежат XIV веку».

Допустим всё же, что «Земледельческий устав», как и все «Книги Законные», действительно появился в русском переводе при Иване Калите и действительно служил практическим руководством в русских судах того времени. Даже и при этом допущении метод историко-критической работы над источником не позволяет придти к тем выводам, к каким пришёл проф. П. П. Смирнов. Важнейшим доказательством в пользу перехода сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития проф. П. П. Смирнов считает появление в ст. 59 «Земледельческого устава» термина «лемеш» в качестве орудия плужного типа. На основании единственного во всём «Земледельческом уставе» термина «лемеш» мы можем только сказать, что лемеш — плуг — был известен на Руси в то время, когда был переведён «Земледельческий устав». Но из этого правильного заключения не следует, что, во-первых, этот термин был новым и, во-вторых, что он сначала появился в Московском княжестве.

Между тем проф. А. Павлов путём лексического и терминологического анализа текста и сравнения его с «Русской Правдой» убедительно показал, что перевод «Земледельческого устава» должен быть отнесён не ко времени Ивана Калиты, а к «Киевскому периоду» в пределах конца XII и начала XIII века. Только «подновления» он допускал возможность приурочить к XIV—XV векам. В их числе мы найдём как «подновления» и дополнения, которые могли быть сделаны в первой половине XIV в., так и те, которые, безусловно, относились к более позднему времени. Нельзя также забывать, что сохранившиеся списки «Земледельческого устава» принадлежат XV веку. Какое же основание существует к тому, чтобы «лемеш» отнести именно к первой половине XIV в. и утверждать его московское происхождение?

Рассмотрим теперь, насколько убедительны соображения проф. П. П. Смирнова, основанные на разнице хлебных цен. Приведя летописное сообщение о ценах во время неурожая и голода 1393 г., когда оков (кадь) ржи стоила в Великом Новгороде 7 рублей, в Нижнем Новгороде — 9 рублей, в Костроме — 2 рубля, в Москве — 1 рубль, проф. П. П. Смирнов далее пишет, что «...соотношение цен в русских городах и Москве... не зависело от неурожая, а было устойчивым и сохранялось в течение XV и первой половины XVI в., пока длился процесс образования русского национального государства». К сожалению, проф. П. П. Смирнов не сообщил, какие основания он имел для подобного категорического утверждения. Для нас же остаются более убедительными законы экономической статистики, которая не позволяет на основании цен за один — два года приходиться к таким выводам, к каким пришёл проф. П. П. Смирнов. Более того: неурожайные годы являются наиболее неблагоприятным временем для подобного рода наблюдений, так как неурожай обычно не поражает равномерно большую территорию и поэтому создаёт необычное соотношение цен в разных районах.

В качестве примера «нормальных цен» проф. П. П. Смирнов приводит стоимость окова (кади) пшеницы или чечевицы в Сарае и Ургенче в первой половине XIV века. Какое отношение эти цены имели к русскому рынку? Не лучше ли было для сравнения дешёвых и дорогих цен использовать близкий к рассматриваемому времени русский материал? Наиболее полные данные о хлебных ценах за первую половину XV в. мы имеем по Пскову. В нижеследующей таблице приведены данные о числе зобниц ржи, покупавшихся за одну полтину с переводом на стоимость одного пуда по московской денежной системе¹:

¹ Псковская мера «зобница» принята за 9½ пуда. При перечислении псковской денежной системы на московскую в полтине считаем 216 московских денег. В скобках показана цена одного пуда, выражаемая целым числом денег (без десятичных знаков).

Г о д ы	Число зобниц, стоивших одну полтину	Стоимость одного пуда по московской денежной системе	И с т о ч н и к и
1409	6	3,9(4)	ПСРЛ, т. IV, стр. 200
1422	2,5	9,3(9)	ПСРЛ, т. V, стр. 24
1425	5	4,6(5)	ПСРЛ, т. V, стр. 24
1428	8	2,9(3)	ПСРЛ, т. IV, стр. 205
1429	9	2,6(3)	ПСРЛ, т. V, стр. 26
1434	13	1,8(2)	ПСРЛ, т. V, стр. 28

На основании приведённой таблицы мы можем прежде всего установить, какие хлебные цены в Пскове считались низкими и какие — высокими. В 1434 г. «бысть в Немецкой земли голод и хлеб дорог вельми; а во Пскове у святей Троицы дал Бог хлеба много и дешев, по девяти денег зобница ржи»¹. Таким образом, пуд ржи стоил в Пскове около одной псковской деньги, или двух московских денег. По данным Псковской 2-й летописи, в этом году на полтину шло 13 зобниц, что даёт примерно ту же стоимость одного пуда. В течение 1422—1425 гг. страшный голод охватил большую часть русских земель, в том числе Новгород со всеми волостями, всю Московскую и Тверскую земли. «И толми бысть там дорог хлеб,—сообщает псковский летописец,—яко на едином ковризе дати полтына, али каково портище, а ржи наща четверетка, чего кто запросил, а инии с усердием даваху, а еже бы где зобница купити ржи или овса, таковые мало обретаху, а мнози с глада мряху»². В Софийских летописных сводах сохранились цены этого года: оков ржи стоил в Москве 1 руб., в Костроме — 2 руб., а в Нижнем Новгороде — даже 200 алтын (6 руб.)³. Считая в окове 14 пудов, найдём стоимость одного пуда: в Москве — 14—15 денег, в Костроме — 28—30 денег и в Нижнем Новгороде — 85—86 денег. «Тогда,—сообщает псковский летописец,—пошли в Псков за хлебом новгородцы, корела, чудь, ваяжане, тверичи, москвичи—просто рещи е всей Русской земли, и бысть нахождение их во Пскове много множество». Приезжие стали скупать хлеб в городе и в волостях и вывозить за рубеж, что вызвало в городе резкое повышение цен: за полтину стали отдавать 2½ зобницы ржи, т. е. цена одного пуда поднялась до 9—10 московских денег.

В 1425 г. псковский летописец отмечает: «Бысть в Пскове хлеб подешевле, по 5 зобниц на полтину ржи»⁴. Очевидно, эта цена (1 пуд стоил около 5 моск. денег) казалась ещё высокой. В следующие годы цена на хлеб продолжала падать, дойдя в 1434 г. до 18 моск. денег за зобницу (около 2 денег за пуд). Псковская 1-я летопись по этому поводу отмечает, что «дал Бог хлеба много и дешев». Таким образом, средние цены на хлеб в Псковской области во второй четверти XV в. держались в пределах 3—4 московских денег за один пуд ржи. Так как природные условия Псковской области в XIV—XV вв., как и в смежной Новгородской земле, не были благоприятны для посевов ржи, а Псков был далеко расположен от хлебопроизводящих районов, то можно считать, что нормальные хлебные цены в Пскове были несколько выше, чем в Москве. Вряд ли поэтому мы сильно ошибёмся, если предположим, что в Москве хлебные цены в обычное время были близки к 2 деньгам за пуд, т. е. в 7—8 раз ниже, чем в неурожайный год⁵. Столетием раньше они должны

¹ Псковская 1-я летопись. ПСРЛ. Т. IV, стр. 208.

² ПСРЛ. Т. V, стр. 24.

³ ПСРЛ. Т. V, стр. 262; Т. VI, стр. 142.

⁴ ПСРЛ. Т. V, стр. 24.

⁵ Интересно сравнить эту разницу цен в неурожайные и обычные годы с данными, сообщаемыми Герберштейном по поводу страшной засухи в 1525 году. В этом году за хлеб, стоивший прежде 3 деньги, платили 20—30 денег, т. е. вздорожание также произошло в 7—10 раз.

были быть ещё ниже, так как мы наблюдаем неуклонный рост хлебных цен, вызванный ростом потребления и падением покупательной способности денег. Весьма вероятно, что при Иване Калите на рубль можно было купить до 200 пудов хлеба (условно считаем стоимость одного пуда в одну деньгу).

Данные о хлебных ценах во вторую четверть XIV в. дают нам возможность представить, какое количество хлеба потребовалось бы московскому князю, если бы товарный хлеб являлся основным источником средств для уплаты выхода. К сожалению, мы не знаем сумму выхода при Иване Калите и его сыновьях. Однако некоторое более или менее приближённое представление о нём мы в состоянии составить по позднейшим сведениям. Известно, что Мамай требовал от Дмитрия Донского выхода в том размере, в каком давали русские князья при Батые и Узбеке. Следовательно, в Орде считали, что выход, платившийся московским великим князем в конце XIV в., был меньше, чем его платил современник Узбека Иван Калита. В договорных грамотах Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем сумма выхода один раз указана в 5 тыс. руб., а в другой раз — в 7 тыс. руб. В духовной грамоте Владимира Андреевича выход указан в 5 тыс. руб.¹ Примем для времени Ивана Калиты меньшую сумму, т. е. 5 тыс. руб. Чтобы получить эту сумму от продажи хлеба, потребовалось бы выбросить на рынок примерно 1 млн. пудов ржи. Если даже допустить, что лишь половина выхода покрывалась за счёт продажи хлеба, то и в этом случае количество необходимого хлеба (500 тыс. пудов) совершенно невероятно для небольшого и неплодородного Московского княжества времени Ивана Калиты. К тому же проф. П. П. Смирнов совершенно упускает из виду, что феодальное хозяйство данного периода было не товаропроизводящим, а потребительским, натуральным.

От автора, претендующего на новое разрешение сложной исторической проблемы, следует ожидать критической проверки выдвинутых им положений, без чего последние теряют всякую степень научной вероятности. К сожалению, проф. Смирнов в отношении основного тезиса своей концепции — образование на территории Московского княжества ещё в первой половине XIV в. района прогрессивного земледелия — не воспользовался теми возможностями, которые представляют источники. Его даже не заинтересовал вопрос, могло ли Московское княжество при Иване Калите по почвенным условиям и по размеру культурной площади давать в огромном количестве избыточный товарный хлеб.

Московская «отчина» Ивана Калиты нам хорошо известна по двум его завещаниям. После присоединения в самом начале XIV в. Можайска и Коломны она почти не изменилась до конца его жизни. Описание её почвенно-географических и климатических особенностей, сообщаемых иностранными писателями в конце XV и начале XVI в., вполне подтверждаются позднейшими данными. По их сообщению, эта область была малоплодородной, песчаной и очень лесистой. В первой половине XIV в. лесов было ещё больше, чем два столетия спустя, когда её описывал Герберштейн. «По пням больших деревьев, — пишет Герберштейн, — которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста»². Среди «раменного» леса, песков и болот лежали отдельные участки более или менее плодородной земли. В рассматриваемое время лучше всего была заселена территория к северу от Москвы, граничившая с Дмитровским и Владимирским княжествами. Здесь несмотря на обилие леса по верхнему течению Клязьмы с её

¹ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. I. №№ 35, 38, 40. М. 1813.

² Герберштейн С. «Записки о московитских делах». Перевод А. Малсина, стр. 98. СПб. 1908.

притоками и по Истре лежали земли, относительно удобные для земледельческой культуры.

Духовная грамота Ивана Калиты называет здесь несколько волостей и княжеских сёл, в том числе Горетову волость (позже Горетов стан), явившихся одним из наиболее заселённых мест Подмосковья. К западу от Москвы лучшие места были расположены в верхнем течении Москвареки и её левого притока—Рузы. К югу и юго-западу по левому берегу Оки преобладала песчаная почва; значительная часть этой территории была покрыта лесами; благоприятные для сельскохозяйственной эксплуатации участки находились в Серпуховском и Коломенском уездах, а также по Наре и Пахре. Однако в XIV в. эта область имела сравнительно небольшое население, что можно объяснить её окраинным положением. К востоку от Москвы, от самого города, начинались большие «раменные» леса, перемежавшиеся с торфяными болотами. Здесь находились лучшие бортные места, в том числе хорошо известный по духовным грамотам Васильцев стан («Васильцево сто»). В этом же районе процветала княжеская охота.

Таким образом, в пределах собственно Московского княжества годная для сельскохозяйственной эксплуатации территория была очень невелика. Главным препятствием для её быстрого расширения являлась даже не столько малопродуктивная московская почва, сколько густые заросли векового, девственного леса, подходившего к самому «городу» Москве. Потребовалось значительное время, чтобы ствоевать землю у леса и поднять «новины». Следы этого труда и замечал Герберштейн. Упомянув, что при этих условиях Иван Калита и его преемники старались совершать «прикупы» в соседних княжествах, обладавших лучшими условиями для сельского хозяйства. Так, Иван Калита упоминает о сёлах, купленных во Владимирском, Ростовском, Костромском, Юрьевском княжествах. В связи с этим небезынтересно отметить, что Герберштейн вслед за Рязанской областью по урожайности поставил область Ярославскую, особенно плодоносную около Волги, Ростовскую, Переяславскую, Суздальскую и Владимирскую. Он считал, что эти области «по плодородию земли ближе всего подходят к Рязани»¹. Проф. П. П. Смирнов для подтверждения своего основного тезиса — о высоком развитии сельского хозяйства в Московской области — привёл ряд данных о дешевизне хлеба в Москве, относящихся к концу XV и началу XVI века. Между тем известно, что Москва в конце XV и в XVI в. в значительной степени торговала привозным хлебом.

Если даже допустить, что Иван Калита под давлением Золотой Орды занялся изобретательством в области сельскохозяйственной техники и в результате своих агрономических опытов получил в большом количестве «избыточный товарный хлеб», то возникает вопрос: каким образом этот хлеб превращался в деньги, в «серебро»? Совершенно ясно, что успешная торговля хлебом зависит от наличия потребностей в покупном хлебе, т. е. от роста населения, оторванного от сельского хозяйства и принуждённого покупать хлеб на рынке. Сельскохозяйственный рынок складывается под влиянием потребностей неземледельческого населения. Между тем проф. П. П. Смирнов утверждает, что в России это происходило наоборот: сначала сложился внутренний рынок, а затем выделились из сельского населения значительные группы ремесленников.

«...В условиях появления товарного хлеба и внутренних рынков, — пишет автор, — из крестьянских масс и из крупных вотчинных хозяйств выделяются значительные группы ремесленников, сосредоточием которых становятся великокняжеские города и слободы, где возникают рынки внутреннего обмена». Поэтому проф. П. П. Смирнов считает проблему

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 124, 125, 133, 134.

развития русского феодального города мало существенной для данной темы и для данного времени.

По мнению проф. Смирнова, товарный хлеб при Иване Калите и его преемниках предназначался не для московского потребителя. «Спрос на него усилился и на севере и юге восточной Европы», — пишет автор. Под югом он разумел территорию Золотой Орды, где при господстве кочевого скотоводческого хозяйства потребности в хлебе не могли быть значительными. К тому же Сарай экономически больше тяготел к Хорезму, древней земледельческой области, чем к Руси. Остаётся, таким образом, Новгород. Но мог ли один Новгород поглощать ту огромную массу хлеба, которая, по мнению проф. Смирнова, выбрасывалась на московский рынок? К тому же нет никаких оснований утверждать, что новгородцы в покупке хлеба ограничивались одним Московским княжеством. Хлеб в Новгород шёл с «низа», под которым разумелось всё Окско-Волжское междуречье, включая и земли, расположенные за Окой (Рязань).

В историографической части своей статьи проф. П. П. Смирнов справедливо возражал против попыток объяснить возвышение Московского княжества лишь успехами московской торговли. Но не совершает ли подобную же ошибку он сам, придавая такое исключительное значение накоплению серебра в казне Ивана Калиты путём продажи московского хлеба?

Мы думаем, что Иван Калита достиг выдающихся политических успехов, положивших прочное начало преобладанию Московского княжества над остальными русскими княжествами, не только при помощи серебра, хотя последнее и играло немаловажную роль. Но рассмотрим сначала источники средств Ивана Калиты.

III

Мы не имеем никаких сведений о доходности хозяйства Ивана Калиты. Но те сведения, которые сохранились от конца XV и начала XVI в., позволяют нам утверждать, что это хозяйство носило преимущественно натурально-потребительский характер и служило для удовлетворения потребностей княжеского двора и содержания его многочисленных слуг¹.

Совершенно неизвестна величина сбора торговых пошлин, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что он являлся одним из источников притока материальных средств в казну великого князя. Недаром в сохранившихся договорных грамотах князя обязываются «новых мытов не замышлять». В этом отношении финансовая практика русских князей принципиально не отличалась от аналогичной политики западноевропейских феодалов. Когда указывается в качестве причин, способствовавших усилению Московского княжества, выгодное положение Москвы в узле торговых дорог, имеются в виду, понятно, не абсолютная величина торговых сборов, а преимущества московского князя по отношению к другим феодальным владельцам, также собиравшим налоги в свою казну. Понятно также, что значение выгодного «торгового положения» Москвы не ограничивалось областью финансовой эксплуатации. Являясь естественным узлом торговых связей, Москва выростала в качестве общего экономического центра русских земель. Быстрый рост Московского посада во второй половине XIV и в начале XV в. значительно обгонял развитие других посадских центров.

В бюджете феодального государя дань с населения играла, несомненно, важнейшую роль. Не случайно поэтому, предоставляя значительную самостоятельность своим вассалам («а боярам и слугам между нас вольным воля»), великие князья ревниво оберегали свои фискальные

¹ Бахрушин С. «Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века» (Сборник статей в честь В. О. Ключевского. М. 1909).

интересы: «...а данью потянуты по земле и по воде». Этим объясняется и усиленная забота великих князей о привлечении переселенцев с предоставлением им временных, но широких податных льгот. Поэтому утверждение проф. П. П. Смирнова, будто князья не были заинтересованы в увеличении населения, потому что это приводило к усилению требований Орды в отношении дани, кажутся наивными и противоречат источникам.

Мы не знаем, в каком размере Иван Калита брал дань с населения своего княжества. Можно предположить, что она не была разорительной, так как в противном случае он вряд ли заслужил бы сохранившиеся в летописях отзывы как об «устроителе» и добром государе. Но в то же время другой древнерусский писатель, смотревший на его княжение не с точки зрения московских интересов, нашёл нужным отметить, что с приходом к власти Ивана Калиты «наста насильвание многое». Летописные источники дают нам полную возможность раскрыть внутренний смысл этого осуждения и раздражения, брошенного местным патриотом Ростовской области.

За 13 лет своего великого княжения Иван Калита несколько раз выступал против Новгорода. Победив своего противника, тверского князя Александра Михайловича, и получив в 1328 г. ярлык на великое княжение, Иван Калита уже в следующем году побывал в Новгороде и сел на новгородском столе.

В 1331 г. Иван Данилович ездил в Орду. Вернувшись на родину, он тотчас стал просить у новгородцев «закамского серебра» и с целью принудить их выполнить это требование занял Торжок и Бежецкий Верх, т. е. установил экономическую блокаду Новгорода. «Розмирье» продолжалось и в следующем году. Зимой 1330—1331 г. Иван Калита пришёл к Торжку «со всеми князи низовскими и рязаньскими», вывел из Новгорода своих наместников и стоял в Торжке «от Крещения полны до Собора», воюя новгородские волости. Только с большим трудом, после длительных переговоров, новгородцам удалось заключить мир с великим князем¹. Не может быть сомнения в том, что мир был заключён на основании удовлетворения требований великого князя.

В 1339 г. (6847), после нового возвращения Ивана Калиты из Орды, новгородцы прислали к нему послов. Повидимому, предметом переговоров опять был вопрос о «выходе», так как в этом же году новгородцы прислали выход. Однако Иван Калита не был удовлетворён и требовал другого выхода, откровенно указывая на необходимость покрыть ордынские расходы: «...а ещё дайте ми запрос царев, чего у мене царь запрашал». Новгородцы отказались, ссылаясь на «старую пошлину» и ярославовы грамоты. Переговоры кончились безрезультатно, так как великий князь в эту зиму опять вывел своих наместников из Новгорода². Мир, повидимому, так и не был заключён до смерти великого князя.

Преемник Ивана Калиты, Семён Иванович, полностью продолжал политику отца. Вернувшись из Орды с ярлыком на великое княжение, он тотчас послал за данью в Торжок и «почаша силно деяти». Новоторжцы обращались с жалобой в Новгород. Новгородцы, собрав войско, заняли Торжок и захватили наместников великого князя. Затем они отправили к нему посольство, обратившееся к Семёну Ивановичу со следующим упреком: «...еще у нас не у седе на княжении, а уже бояре твои деют сильно». Семён Иванович зимою пришёл в Торжок «с всею землею Низов-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 76—77; т. V, стр. 220. В 1-й Новгородской летописи находится сообщение, что новгородские послы во главе с владыкой Василием предлагали великому князю 500 руб., но Иван Калита не принял их, считая, повидимому, эту сумму недостаточной.

² ПСРЛ. Т. III, стр. 79.

скою». Новгородцам удалось заключить мир, согласившись на уплату бора с новоторжцев в размере тысячи рублей¹.

Приведённые летописные данные совершенно определённо устанавливают, каким способом Иван Калита и его преемники получали в больших суммах новгородское серебро.

Есть основания предполагать, что Иван Калита при принудительном сборе необходимого ему серебра не ограничивался Новгородом, но собирал дань и с других земель, не входивших в состав Московского княжения. В отношении Ростовской области мы имеем, правда позднейшее, свидетельство автора жития Сергия Радонежского, которому принадлежат известные слова о «многом насиловании», наставшем с вокняжения Ивана Калиты: «Увы! увы! тогда граду Ростова, паче же и князем их, яко отзяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая, и потягну к Москве». Когда в Ростов был прислан из Москвы воевода Василий Кочева, «тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение многоумножися»².

Вряд ли можно сомневаться в том, что Иван Калита, одержав полную победу над тверским великим князем, не использовал материальные ресурсы Тверской земли.

Таким образом, наряду со скромными ресурсами своего феодального хозяйства и со сбором торговых пошлин, тоже, вероятно, не в крупном размере (значительной внутренней торговли в это время не существовало), Иван Калита и его сыновья широко пользовались принудительным сбором дани с зависимой от них территории, причем особое значение в этом отношении приобрёл Новгород.

Сужение поля исторического наблюдения, столь характерное для проф. П. П. Смирнова, приводит на наш взгляд, к важной методологической ошибке. Вопрос об условиях образования единого Русского государства в действительности сводится к вопросу, почему центр этого государства сложился на территории Московского княжества, а Москва из княжеского города превратилась в русскую столицу.

Однако и постановка этого более узкого вопроса, по существу сводящегося в работе проф. П. П. Смирнова к выяснению причин «усиления Москвы», не может нас удовлетворить. Автор возражает против плюрализма в истории, т. е. против множественности причин. Но исторический плюрализм может быть различным: один он у буржуазных историков, другой — у марксистов. Принципиальная разница между теми и другими заключается в том, что буржуазные историки, изучая множественность причин, не выделяли ведущую причину или выделяли её неправильно, тогда как марксисты рассматривают эту множественность в единстве исторического процесса, в основе которого лежит развитие производительных сил человеческого общества.

Когда историки выясняли причины, почему в первой половине XIV в. относительно небольшое по размеру Московское княжество стало играть руководящую роль в политической жизни русского феодально-раздробленного мира, почему стал складываться центр русского объединения в Москве, а не в Твери, Владимире, Новгороде, Рязани, они были совершенно правы, указывая не одну, а многие причины, содействовавшие «повышению Москвы». В этом отношении наблюдения «старых» историков — Соловьёва, Ключевского, Забелина, Любавского и других — внесли много ценного для объяснения данного явления. Указывались: выгодное географическое положение Москвы не только в экономиче-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 80.

² ПСРЛ. Т. XI, стр. 128. Ещё М. Любавский высказал предположение, что речь шла о выжнании татарского выхода («Образование основной государственной территории великорусской народности», стр. 53).

ском, но в политическом и военном отношениях; Московская область, прикрытая окраинными русскими землями, меньше подвергалась разграблению, чем другие княжества этого времени, поэтому она имела сравнительно густое население, которое пополнялось переселенцами с великорусских окраин, поднятых со своих насиженных мест грозой вражеских вторжений; не исключались и дальновидная политика московских князей, помощь церкви и пр.

Если в отношениях с Золотой Ордой главную роль играло «серебро», то его было далеко не достаточно для приведения в повиновение остальных русских князей. Между тем в процессе внутренней борьбы за «великое княжение Владимирское» мы видим Ивана Калиту окружённым множеством мелких князей: ростовскими, суздальскими, ярославскими, тверскими, рязанскими. В зависимости от него находились князья угличский, белоозерский, галицкий¹.

Чтобы добиться такого перевеса политических сил, московскому князю необходимо было опираться на реальные средства борьбы, т. е. прежде всего на вооружённые силы своей Московской «отчины».

В первой половине XIV в. по русским княжествам происходит консолидация боярства: появляется ясно очерченный круг московских, тверских, рязанских, нижегородских и прочих бояр и «вольных слуг». С середины этого столетия переход из одного княжения в другое становится относительно редким. При Иване Калите в Москве сложился достаточно многочисленный и крепкий слой «всильных слуг», готовых являться по призыву великого князя со своими вооружёнными отрядами.

Что же привлекало в небольшое Московское княжество эту феодальную знать? Несомненно, что главной причиной являлась возможность хорошо устроиться на земле, получить «кормления» и чувствовать себя более безопасно под покровительством княжеской власти. Поэтому одновременно с консолидацией боярства происходил сопутствующий ему процесс обояривания московской территории.

Историки были правы, когда привлекали все эти условия для объяснения, почему среди многих русских княжеств Московское княжество при Иване Калите и его сыновьях стало самым сильным. Но они допустили ошибку, когда эти же условия принимали за причины образования Русского централизованного государства. Историческая обстановка изменялась, и те причины, которые способствовали усилению одного из многих феодальных княжеств, были совершенно недостаточными для полного преодоления феодальной раздробленности.

V

Конец XIV и начало XV в. являлись очень важным рубежом в истории Северо-Восточной Руси (Великороссии). Ряд явлений в экономической и политической жизни указывает на крупные изменения, происшедшие в состоянии феодально-раздробленных русских земель. В основе их лежало усиление общественного разделения труда и, как следствие его, рост товарно-денежного обращения.

Одним из важнейших показателей внутренней торговли является появление русской денежной системы, которое, согласно утвердившемуся в нумизматике мнению, относится ко второй половине XIV века. Все попытки доказать чеканку русских монет в Московском княжестве ранее Дмитрия Донского кончались полной неудачей. Но одновременно, если даже не несколько ранее, монеты появились в Суздальско-Нижегород-

¹ Давно было выяснено в исторической литературе, что известное место в завещании Дмитрия Донского, называвшего Галич, Белоозеро и Углич «куплями деда своего», нельзя понимать в буквальном смысле, так как и при Иване Калите и после его смерти в этих городах сидели собственные князья. К сожалению, проф. П. П. Смирнов ничем не обосновывает своего мнения, что имела место действительная покупка этих земель. См. Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 150—153.

ском княжестве, древнейшие из которых чеканились при Дмитрие Константиновиче (1365—1383). Древнейшие рязанские монеты появились при Олеге Ивановиче (1350—1402). В конце XIV или самом начале XV в. монеты чеканились в Ростовском княжестве (князья Андрей Фёдорович и Александр Константинович); в начале XV в. — в Твери и в тверских уделах. Характерно, что переход на собственную денежную систему был общерусским явлением, и это вполне понятно, так как внутренний товарооборот не мог ограничиться более или менее случайными и искусственными границами какого-либо княжества: он явился отражением общих явлений в экономической жизни русских земель.

Внешняя торговля могла обходиться без собственной денежной системы, так как в редкие века эта торговля в значительной степени сохраняла меновой характер, и лишь разница между ценой покупаемых и продаваемых товаров уплачивалась иностранными монетами или слитками серебра. В этом отношении показателен пример Новгорода, в котором собственная чеканка денег началась позже, чем в большинстве княжеств. В 1410 г. в Новгороде «куны отложиша», вместо которых стали употреблять лобцы, литовские гроши и немецкие артуги¹.

На оживление в конце XIV и в начале XV в. экономической жизни указывает, помимо распространения денежной системы, и ряд других явлений: быстрое увеличение числа посадов и количественный рост посадского населения, усиленное основание слобод на княжеской земле, облегчение торговых сношений, выражавшееся известными условиями в междукняжеских договорах («непошлых мытов и пошлин не замышляти») и пр. Всех этих явлений в первой половине XIV в. ещё не было. Поэтому мы вправе утверждать, что за период времени в 50—70 лет после смерти Ивана Калиты в экономической жизни русских земель произошли значительные изменения, которые не могли не отразиться и на их политическом строе. Ближайшим результатом было разложение политической системы «Великого княжества Владимирского», представлявшего собою совокупность самостоятельных или полусамостоятельных феодальных мирков под номинальной властью великого князя. А. Пресняков в своё время назвал этот процесс «крушением удельно-вотчинного строя». Хотя самое название не может нас удовлетворить, но следует признать большой заслугой А. Преснякова, что он первый в исторической литературе обратил должное внимание на серьёзный кризис, постигший политическую систему русского феодального строя. Это было время, говорит Пресняков, «последних колебаний — борьбы между тенденциями вотчинного распада и закрепления политического единства Великороссии»². Заслугой Преснякова является также и то, что он изучение данного процесса не ограничил наблюдением над одним Московским княжеством, а охватил всю область Великороссии. Это позволило ему, несмотря на большое разнообразие местных особенностей, выделить одинаковые или сходственные элементы политического развития, которые наблюдались и в Москве, и в Твери, и в Рязани, и в Нижнем Новгороде. К сожалению, А. Пресняков совершенно изолировал их от социально-экономического процесса и рассматривал их лишь как результат успешного «собрания власти».

«Собрание власти», т. е. её укрепление, усиление и распространение, осуществляли и Иван Калита, и Дмитрий Донской, и Василий Дмитриевич. Однако результаты, достигнутые Иваном Калитой, качественно отличались от результатов, полученных Дмитрием Донским и Василием Дмитриевичем. Усиление Московского княжества при Иване Калите не затрагивало сложившейся к этому времени системы политических взаимоотношений, строившихся на началах вассалитета и признания феодального сюзеренитета. Сам Иван Калита сделал небольшие террито-

¹ ПСРЛ. Т. III, стр. 104, 109.

² Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 325.

риальные приобретения. Картина политического состояния феодально-раздробленных русских земель постоянно изменялась: одни княжества услаивались, другие слабели. При Иване Калите Московское княжество стало самым сильным при наличии многих других княжеств, существованию которых непосредственная опасность ещё не угрожала. В этом отношении очень показателен пример Углича, Галича и Белоозера, которые Дмитрий Донской назвал куплями своего деда Ивана. Между тем ещё в начале княжения Дмитрия Донского в Галиче сидел местный князь Дмитрий Борисович (родословные называют его Ивановичем), получивший в 1360 г. ярлык из Орды. В 1362 или в 1363 г. Дмитрий Донской согнал его с княжения¹. Белоозерские князья удержались почти до смерти Дмитрия Донского. Двое из них (Фёдор Романович и его сын Иван) были убиты в Куликовской битве². Вообще в действиях Ивана Калиты совершенно незаметно стремления к уничтожению местных княжеских династий. Совершенно иначе поступал Дмитрий Донской. После того как были согнаны галичский и стародубский князья, «тогда вси князи ехаша в Новгород Нижний к князю Дмитрею Константиновичю, скорбяще о княжениях своих»³. Это летописное сообщение прекрасно передаёт то чувство страха и беспомощности, которое овладело местными князьями под впечатлением решительных действий московского великого князя. Политика Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича была направлена не только к дальнейшему усилению Московского княжества, но и к разрушению всей политической системы «великого княжества Владимирского». Чтобы понять сущность совершившихся перемен, нельзя, как и в отношении экономического развития, ограничиваться территорией одного Московского княжества, а следует рассматривать политическую систему русского феодализма данного периода в целом. В ней ясно выступает борьба двух начал: феодального дробления (увеличение числа «уделов» и их измельчение) и всё больше и больше усиливавшейся концентрации власти и средств в руках великих князей.

К исходу XIV в. на территории Северо-Восточной Руси (Великороссии) ясно обозначились четыре крупных государственных образования: Московское, Тверское, Рязанское и В. Новгород, в споре между которыми предстояло решить вопрос, какому из них стать ядром общерусской государственности.

Внутренняя история Тверского княжества во многом напоминает историю усиления московской великокняжеской власти. Властная политика Михаила Ярославича была продолжена его сыновьями. Великий князь тверской стремился присвоить себе исключительные права в собирании ордынской дани и, не считаясь с суверенными правами местных владельцев, посылал своих данщиков в тверские «уделы». Ещё Константин Михайлович (1328—1337) стал притеснять своего племянника Всеволода Александровича и его бояр: «Начя имати бояре и их слуги в серебре за волости чрез людскую силу, и бысть над ними скорбь велика»⁴.

Изучая действия Константина и Василия Михайловичей, А. Пресняков пришёл к правильному заключению, что «тверской князь сохраняет в пределах тверских владений титул великого князя и приёмы великокняжеского властвования, пытается свести положение племянников, отчичей холмских, до служилого подручничества, подчиняя население их владений непосредственно своей великокняжеской власти, их бояр и слуг — ответственности перед собой»⁵.

¹ ПСРЛ. Т. X, стр. 232; т. XI, стр. 3.

² Экземплярский А. «Великие и удельные князья Северной Руси». Т. II, стр. 164—166.

³ ПСРЛ. Т. XI, стр. 2.

⁴ ПСРЛ. Т. X, стр. 217.

⁵ Пресняков А. Указ. соч., стр. 195.

Хотя Тверь в 70-х годах XIV в. потерпела полную неудачу в попытке возобновить старое соперничество с Москвой, но деятельность тверского Михаила Александровича (1366—1399) была весьма плодотворной для дальнейшего укрепления авторитета великокняжеской власти и создания тверской державы. Почти всё княжение его прошло в острых столкновениях с младшими тверскими князьями. Крупной победой Михаила Александровича было присоединение после смерти Василия Михайловича Кашинского удела и закрепление тверской великокняжеской власти за старшей линией потомков Михаила Ярославича¹.

По словам автора «Жития», Михаил Александрович отовсюду собирал людей, «грады Тверские» утвердил и крепко «соблюдал» свою отчину; в его княжение «разбойници и тати и ябедники исчезоша, и корчемники и мытари, и торговый злая тамгы истребишася, и насилоние, и грабление нигдеже обряташеся»². Это описание во многом напоминает отзывы московского книжника об Иване Калите.

При Михаиле Александровиче после присоединения Холмского удела было, по существу, закончено объединение всех тверских земель, обособившихся за боковыми линиями.

Высшего политического подъёма Тверское княжество достигло во второй четверти XV в., при великом князе Борисе Александровиче (1425—1461). При нём тверская земля являлась вполне независимой от Москвы государством, с самостоятельной внешней политикой и собственными дипломатическими связями. Инок Фома в «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче» титулует тверского великого князя «самодержавным государем» и даже сообщает, что он «царевым венцем увязеся». Хотя, по другим источникам, мы не имеем подтверждения этого сообщения о венчании на царство Бориса Александровича, но в то же время его нельзя рассматривать в качестве риторической фразы, так как автор, человек близкий к великокняжескому двору, достаточно точен в отношении рассказанных им событий.

Общая политическая тенденция автора «Слова похвального» совершенно ясна. Преемницей Византии, быстро клонившейся к упадку, должна стать не Москва, а Тверь. Не московский великий князь, а боговенчанный и самодержавный государь Борис Александрович является настоящим наследником греческой империи, «вторым Константином»³.

Есть основание предполагать, что выдающиеся политические успехи Бориса Александровича были достигнуты в результате борьбы с высшей боярской знатью и путём выдвижения менее родовитых людей. На это намекают следующие слова в писании инока Фомы: «А князю же великому Борису Александровичу власть приимше тверского чиновачальства гордые с власти сверже, а смиренные на престоле с собою посади, но и еще же и иныя власти не покоряющася ему, но покорно сотвори». В связи с этим небезынтересно отметить, что при проверке в 1539—1540 гг. владельческих прав во время описания Тверского уезда мелкие землевладельцы, сидевшие на «служних» землях, представили, среди прочих документов, жалованные грамоты Бориса Александровича⁴.

Менее выпукло, но с такими же характерными чертами наблюдается процесс консолидации феодальных сил и на территории великого княжества Рязанского. Очень большие успехи в этом отношении были достигнуты при Олеге Ивановиче (1350—1402). В исторической литературе несколько упрощается деятельность этого рязанского князя. Она рассматривается главным образом со стороны московско-татарских отношений и поведения рязанского князя во время борьбы с Мамаем и Токтамы-

¹ Пресняков А. Указ. соч., стр. 213.

² ПСРЛ. Т. XI, стр. 176—177.

³ Лихачёв Н. «Инока Фомы слово похвальное». П. 1908.

⁴ Калачёв Н. «Писцовые книги XVI века». Отделение II, стр. 169.

шем. В действительности политика Олега Ивановича носила более широкий и сложный характер. Олег Иванович строил свою державу в окружении грозных враждебных сил: с юга она была открыта степным просторам для нападения Золотой Орды; с запада, с верховьев Оки, ей угрожали литовские князья; на севере шли многолетние споры с Москвой. Внешняя опасность, несомненно, сплачивала вокруг рязанского великого князя мелких рязанских князей. Подручными Олега Ивановича становятся князья Пронские, Елецкие, Козельские, Муромские. Положение Олега Рязанского описано в путешествии митрополита Пимина в Царьград¹. С укреплением великокняжеской власти в Рязани связано крупное городское строительство. При Олеге Ивановиче окончательно определился экономический и политический центр Рязанской земли — её столица Переяславль Рязанский.

Неудачи в борьбе с Москвой положили предел границам Рязанского княжества по рекам Оке и Цне. Однако «вечный мир», заключённый в 1385 г. между Дмитрием Донским и Олегом Ивановичем, дал возможность Рязани организовать противодействие литовскому наступлению на западные русские земли, причём, как правильно отметил А. Пресняков, Олег действовал не только самостоятельно, но часто в разрез с уступчивостью великого князя Василия Дмитриевича по отношению к Витовту². Особенно большое значение имела поддержка Олегом Смоленска. Хотя попытка Олега отстоять западные русские земли, с чем было связано распространение его политического влияния на эту территорию, кончилась неудачей, она весьма показательна для его широких политических замыслов, в основе которых лежало представление о самостоятельности его внешней политики.

Пережив политический подъём в конце XVI в., Рязанское княжество в дальнейшем уже не в состоянии было вести успешную борьбу на три фронта. Экономические связи тянули его за Оку. Помощь сильного московского князя становилась всё более и более необходимой. В этот последний период самостоятельного существования великого княжества Рязанского продолжался внутренний процесс консолидации. В 60—70-х годах XV в. исчезло последнее удельное Пронское княжество. Через несколько десятилетий Рязанская земля полностью, без уделов, вошла в состав Русского государства.

Те же усиливающиеся тенденции к независимости, к консолидации своей политической системы и к укреплению центральной власти наблюдаются в указанный период времени и в истории Новгородской боярской республики, хотя, конечно, особенности её политического строя не могли не оказать влияния на характер проявления этих тенденций. В начале XV в. окончательно сложился высший правительственный орган боярской республики — «Совет господ», состоявший, по свидетельству иностранцев, из 200—300 представителей высшей землевладельческой знати. Этот коллективный орган до известной степени сглаживал противоречия внутри правящего слоя новгородского боярства. С другой стороны, ослабевала зависимость Новгорода от московских великих князей. Этому способствовало развитие собственных вооружённых сил, позволивших Новгороду обходиться, за редким исключением, без великокняжеских войск. По свидетельству Гильбера де Ланноа, посетившего Новгород в начале XV в., может быть и преувеличенному, все «сеньоры» Новгорода владели «4000 конных и бесчисленную пехотой»³. Новгородское правительство предпочитало иметь дело не с великим князем московским, а приглашать на «хлебокормление» мелких русских и литовских князей, не представлявших опасности для Новгорода. Особенно ясно тенденция

¹ «Хождение Пиминово в Царьград». ПСРЛ. Т. XI, стр. 95—108.

² Пресняков А. Указ. соч., стр. 245—246.

³ «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Сборник документов, подготовленный к печати Г. Е. Кочинным, № 25. Л.-М. 1935.

к самостоятельности проявилась во взаимоотношениях новгородской церкви с митрополитом «всех Руси».

В 1385 г. новгородцы на вече укрепились «крестным целованием» судиться не в Москве, у митрополита, а в Новгороде, у своего епископа¹. Ни патриаршая грамота, ни личный приезд в Новгород митрополита Киприана, предавшего новгородцев церковному отлучению, не смогли поколебать их в этом требовании. Не имели успеха и последующие переговоры с Константинополем. Только при помощи московского оружия митрополиту удалось добиться присылки в Москву крестоцеловальной грамоты. Однако, когда Киприан прибыл в Новгород, он снова столкнулся с упорным отказом подчиниться его требованиям². Напряжённость и продолжительность этой борьбы, затянувшейся на несколько десятилетий, убеждают нас в том, что упорство новгородцев не ограничивалось нежеланием платить судебные пошлины в пользу митрополита, а вызывалось стремлением к церковной самостоятельности. В первой половине XV в. новгородцы продолжали домогаться независимости своей епископии от Москвы. С образованием отдельной литовской митрополии Новгород делает попытки перейти в её состав, что ещё больше усиливало политический характер борьбы.

Таким образом, в истории тех основных частей, на которые распались русские земли в конце XIV в. и в первой половине XV в., мы наблюдаем ряд сходных и близких явлений: ликвидацию более или менее крупных княжений, подчинение мелких князей великокняжеской власти, превращение их в «служебных» князей или в великокняжеских бояр, консолидацию великокняжеского боярства в ущерб «удельному боярству», ослабление феодального иммунитета и сосредоточение сбора дани в руках великого князя, численный рост великокняжеского «двора».

Общим результатом этих явлений было преодоление в каждом из перечисленных «великих княжеств» феодальной раздробленности и усиление власти великого князя, а в Новгороде — боярского правительства. Москва, Тверь и Новгород одновременно претендуют на политическое и культурное первенство среди остальных русских городов. Развёртывается напряжённая идеологическая борьба в литературе и летописании, а также и в области искусства.

В своих прежних работах я называл отмеченные явления в политическом строе русских феодальных княжеств в конце XIV в. и в начале XV в. «феодальной концентрацией».

Я не настаиваю на сохранении термина «феодальная концентрация» и готов заменить его другим, если будет предложен лучший. Но для меня кажется необходимым при сохранении единства исторического процесса выделить данный период — конец XIV в. и первую половину XV в. — в качестве исторической ступени к образованию Русского государства. От предшествующего периода он отличается разрушением всей системы «великого княжества Владимирского», представлявшего собою совокупность русских крупных и мелких феодальных владений под главенством общего «великого князя» (при этом, конечно, фактическая власть великого князя зависела от действительного соотношения сил и средств). От последующего периода, захватывающего вторую половину XV в. и XVI в., данный период отличался отсутствием политического единства и иными формами в организации государственной власти, сохранившей характер феодально-вотчинного управления. Государственная форма, проникнутая началами централизации (феодальная монархия), которая возникла при Иване III после объединения страны и окончательно победила при Иване IV, явилась не продолжением и развитием старой политиче-

¹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 83—84.

² Голубинский Е. «История русской церкви». Т. II (первая половина), 306—318.

ской системы, а её принципиальным изменением, хотя отдельные пережитки феодально-вотчинного управления сохранялись под поверхностью новых политических форм вплоть до утверждения системы абсолютизма при Петре Великом.

Таким образом, социально-экономическое и политическое развитие русских земель в конце XIV в. и в первой половине XV в. представляло собой лишь начальный период в образовании единого Русского государства. Исторический спор между Москвой, Тверью и Новгородом, — кому играть роль объединяющего русского центра, — окончательно был решён в пользу Москвы.

Из изложенного видно, как далеко отстоит защищаемая мною концепция от тех взглядов, которые приписывает мне проф. П. Смирнов. Во всех своих печатных работах я старался подчеркнуть единство исторического процесса перехода от феодальной раздробленности к единому Русскому государству. По мнению проф. П. Смирнова, я вслед за В. О. Ключевским и В. В. Мавродиным считаю необходимым «расчленив проблему феодальной концентрации на три отдельных вопроса». Если уж упрекать меня в трёхчленной периодизации процесса преодоления феодальной раздробленности (усиление Московского княжества, феодальная концентрация и образование единого Русского государства), то уж никак нельзя все три периода включить в «феодальную концентрацию», которая в моей схеме занимала вторую ступень, являвшуюся переходом от раздробленности к объединению всех русских земель в рамках единой государственной системы. Полное недоумение вызывает утверждение проф. П. Смирнова, что эта схема близка к схеме Ключевского. Хорошо известно, что основой концепции Соловьёва — Ключевского являлась теория вотчинного происхождения государства.

Таким образом, нам кажется, что единый процесс образования Русского государства следует подразделить на три основных этапа:

1. **Усиление Московского княжества в первой половине XIV в.** Политическая карта русских земель подвергалась большим изменениям в течение первой половины XIV века. Ни одно крупное княжество, сложившееся до конца XIII в., не удержало своего места в последующей феодальной борьбе. К середине XIV в. ясно обозначились четыре крупных «великих» княжества: Московское, Тверское, Суздальско-Нижегородское и Рязанское — и боярская республика в Новгороде. Однако уже при Иване Калите намечилось решительное возвышение Московского княжества, вызванное рядом благоприятных условий, которыми с успехом пользовались московские князья. Усиление Московского княжества ещё не разрушало тех взаимоотношений, на которых держалась вся политическая система «великого княжества Владимирского».

Основой этой системы являлись экономическая замкнутость феодальных владений и феодальный суверенитет княжеской власти. Отношения между князьями построены на началах вассалитета.

2. **Феодальная концентрация** (вторая половина XIV в. и первая половина XV в.). Система «великого княжества Владимирского» переживает глубокий кризис, закончившийся полным её разрушением. Рост экономического общения, вызванный усилением общественного разделения труда, постепенно разрушал замкнутость феодальных владений, а измельчание «уделов» облегчало для великокняжеской власти их ликвидацию или полное подчинение. Эти явления были общими для всей великорусской территории. Сосредоточивая в своих руках сильную власть, великие князья (московско-владимирский, тверской, рязанский) хотя и действуют при помощи старых средств, но находят им новое применение. Увеличение «двора», состоявшего из мелких военных слуг («дворян»), делало великих князей более независимыми от военной по-

мощи их вассалов; сильное поредение «удельного» боярства происходило одновременно с ростом числа «великокняжеских» бояр, основной формой обеспечения которых служила раздача городов «в кормление»; договорное начало во взаимоотношениях между князьями теряет характер равноправного соглашения.

Все эти явления с наибольшей полнотой проявляются в Московско-Владимирском княжестве, которое становится основой слагающейся общерусской политической системы. Если в предшествующий период борьба велась за преобладание того или иного княжества, то в данное время вопрос шёл о полной ликвидации феодально-удельной системы. Борьба с внешней опасностью превращала московского государя в представителя общенационального начала. Пользуясь указанием Энгельса, можно сказать, что московский великий князь становится «представителем слагающейся нации, в противоположность раздроблению её на бунтующие вассальные государства». Москва из столицы самого сильного княжества превращается в столицу русского народа.

3. Образование централизованного Русского государства (вторая половина XV в. и первая четверть XVI в.). Необходимая для образования единого феодального государства социально-экономическая и политическая обстановка сложилась во вторую половину XV века. Так же как и в Западной Европе, главной предпосылкой для объединения феодально-раздробленной страны являлось достижение такого уровня в развитии производительных сил в области сельского хозяйства и ремесленного производства, при котором экономические интересы вступали в резкое противоречие с наличием искусственных феодальных границ. Так же, как и на Западе, роль объединителя взял на себя великий князь «всех Руси» (на Западе — король), опиравшийся на поддержку мелких землевладельцев, вотчинников и дворян и ремесленно-торговое городское население; так же, как и на Западе, прекращение бесчисленных внутренних феодальных войн соответствовало интересам основной массы сельского и городского населения. В отличие от условий образования больших национальных государств на Западе, где этот процесс совпал по времени с развитием буржуазии и образованием наций, в России образование общерусского национального государства происходило на феодальной социально-экономической основе. Объединение страны под властью единого государя ускорялось в России давлением внешней опасности и борьбой за освобождение от чужеземного угнетения.

Таким образом, между вторым и третьим периодами существует непосредственная историческая преемственность. Однако система государственной организации, сложившаяся в виде феодальной монархии с нарастающим элементом централизации, являлась не продолжением и развитием феодально-удельного управления, а его отрицанием, созданием новой политической государственной формы. Вассальные отношения между великим князем и его слугами заменяются отношением подданства к государю «всех Руси»; появляются первые общегосударственные органы управления (приказы); вводится единое судоустройство и судопроизводство (Судебник 1497 г.); начинается ограничение иммунитетных прав; утверждается единая внешняя политика и возникает дипломатическая служба; складывается поместная система и пр.

Понятно, что процесс образования Русского государства в виде феодальной монархии был далеко ещё не завершён к исходу второй четверти XVI века. Но основа её, заложенная Иваном III и укреплённая Василием III, оказалась достаточно прочной для последующего развития. Победа Ивана Грозного над боярской оппозицией явилась торжеством централизованного государственного начала над пережитками феодальной раздробленности.